

СОТРИ СЛУЧАЙНЫЕ ЧЕРТЫ

ЕСЛИ БЫ музыкантов оценивали за красивые глаза, обаятельную улыбку, то Сергей Курехин, вне всякого сомнения, претендовал бы на одно из первых мест. Но мы доказываем друг другу, что ценим художника только за его творчество. Хотя, надо признать, у нас какие-то смутные категории оценки творческих результатов. Мы нервничаем, сердимся, проливаем много невинных слез: красиво — некрасиво, духовно — бездуховно, нравственно — безнравственно, искусство — неискусство, — слов, которым присуща лишь интуитивная убедительность. Безусловно, эти емкие слова для каждого из нас имеют единственный смысл, но для каждого свой. И потому нам бывает нелегко договориться.

То, чем занимается Сергей Курехин, не вызывает у слушателей единодушия. Одни восторгаются, другие возмущаются, одни радуются, другие в шоке. Ряд «одни — другие» можно продолжать долго, а можно не продолжать вообще. Главное — не закончить выводом: «А нужно только так». Никакого «только так» в искусстве вообще быть не может. Особенно, когда сталкиваешься с ярким и одновременно непривычным. Даже раздражающим. Никакого права на существование «Поп-механики» я доказывать не намерен. Договоримся — право на жизнь имеет все, что интересует кого-то, кроме автора. То, что делает Курехин, интересует многих. И на здоровье.

Мы как-то привыкли считать, что есть настоящее, высокое искусство и кич, подделка, продукт массовой культуры. К первому мы причисляем безоговорочно признанное временем, бессмертное, бесспорное, то, что большинство молодежи, увы, не читает, не смотрит, не слушает. Что такое кич, сегодня понять почти невозможно. Самое удобное определение: все, что мне не нравится в современной культуре. Причем в зависимости от того, кому не нравится, реакция может быть самой разной: от неодобрительных статей до отмены концертов. А налет «подпольности» придает любому явлению дополнительную значимость. Почему-то мы считаем, что гонениям подвергается настоящее новое — посягнувшее на устоявшееся, консервативное, захватившее все подступы к «пирог». Рождаются самые невероятные слухи. Начинает складываться миф.

Шоу «Поп-механики» трудно описать — надо видеть и слышать. На эстраде бродят разукрашенные люди в экзотических нарядах, музыканты то ложатся на пол, то застывают в неведенье, что делать дальше... Нет, большей частью они играют, но лишь музыка захватит интересным исполнением, как тут же на смену приходит будто кваканье взбесившихся котов и мя-

канье осипших жаб. И — вновь красивая музыка. И все закручено, навечно, наперчено. Вспоминаешь и вслушиваешься, хихикаешь вроде бы в нужных местах, но поселился и плотно сидит червяк сомнений: а так ли понял? А до конца ли разгадал символы и знаки, наставленные к месту и не к месту? А может, здесь какой-то недоступный мне смысл?

Утрачена у нас традиция эмоционального раскрепощения, озорничания без повода. Давно забыли, да многие и не видели никогда, балаганные и масляничные игрища. Мы больше привыкли к твердым и ясным понятиям или к про-

манную сути — но не тут-то было. Курехин ускользал. Весь внешне открытый, расположенный к общению, легко говорящий на любые темы — ускользал. Чаще в русскую философию начала века. С жаром говорил о Густаве Шпете или о Льве Шестове. Или почти без паузы с обворожительной улыбкой предлагал написать статью против «Акварнума» и тем прославиться на века. Ведь сколько народу работало на миф об ансамбле. И он, Курехин, «протрубил» с ним пять лет. Вокруг клубились влиятельные и праздные люди — подсаживали, помогали, восхваляли, добивались, записывали и пе-

занимаются ерундой, недостойной взрослого человека. Вам подают знак иной культуры, а вы в скуке покидаете зал.

«Поп-механика» — это полуфабрикат, но ни в коем случае не самодеятельность. Самодеятельность — желание показать то, что умеешь, но мастерства не хватает. Здесь наоборот: обладание мастерством, но и умение упрятать это мастерство как можно глубже...

Попробовал ухватиться: ведь самый простой способ скрыть профессионализм — его не иметь. Не нужно ли несколько часов в день трубить гаммы, пытаться достиг-

том. Художники не сразу впадают в «неслыханную простоту». Только когда четко понимают, что хотят сказать. А до того каждый проживает свою нелегкую судьбу, «испорченную» желанием самовыразиться, независимо от того, считает его молодежь носителем своих идей или не считает.

Никогда я не придавал особого значения повальным молодежным пристрастиям. У наших старших братьев и сестер был джаз «на костях», их за это шпыняли, у нас — шейк, нам за это доставалось, у нынешних — рок, им за это... Одни грозят вырождением нации, другие ищут и находят чуть ли не социальный протест. Да полноте, подергают ногами, повыпускают пары и перестанут. Пусть себе режутся.

И все же одно насторожило: я просмотрел несколько десятков слайдов, сделанных на концертах некоторых групп. Фотограф снимал со сцены не только солистов, но и зал. Бушующую, тесно прижатую к рампе толпу. И лица (тут следовало придумать совсем иное слово) — одурманенные, приплюснутые, без тени мысли — поразили и ужаснули своим единообразием. Могу себе представить документальный фильм о фанатах рок-ансамблей. В полной тишине им следовало бы подгадывать на себя со стороны. Надеюсь, многие бы задумались.

Маскульт, воспитывающий стало, меня пугает.

На выступлениях «Поп-механики» принципиально иная атмосфера. Она весела и бесшабашна. Нет слепого поклонения кумиру. Только что созданное — тут же разрушается иронией. Элегическое настроение и упоение ритмами сменяются ерничеством над собой.

Мы ничего нового не придумываем. Но используем другой язык. Однако я не знаю, будет ли этот язык основой той новой музыкальной культуры, что обязательно придет. Не знаю...

И вновь странная музыка, и вновь необычные костюмы...

На одном из концертов, когда Курехин только что отыграл сольную программу на рояле, нежный женский голос выдохнул прямо мне в затылок: «Господи, это же маленький Амалей». Я про себя улыбнулся дамской восторженности, а потом подумал, что и это мнение имеет право на существование. Есть в Курехине легкость и изящество, озорство и мудрость. Иногда они достигают единства. Для меня пока — не всегда.

Миф о Курехине создан. С одной стороны, есть интерес, с другой — неприятие. Со знаю, что и сам работаю на миф, который так трудно оправдывать настоящим творчеством, и который может быть оправдан или разрушен только временем.

Какой есть, какой будет

Недавно с большим успехом прошли концерты Сергея Курехина и его «Популярной механики» в Большом концертном зале «Октябрьский». Два вечера — и далеко не все желающие смогли попасть в Большой концертный зал — огромная его сцена была

блестяще освоена музыкантами. Теперь у «любимых» есть шанс — 6, 7 и 8 марта «Популярная механика» выступает в Спортивно-концертном комплексе. Чего ждать от Курехина? Конечно, неожиданностей, соразмерных грандиозным масштабам СКК!

зрачным намекам. С этим у нас все в порядке.

Фантасмагории Курехина — ансамблевые и сольные — требуют массы «сопутствующих обстоятельств»: с той ли ноги встал исполнитель, а то ли у меня настроение, а правильно ли реагирует зал, не пищит ли аппаратура. На филармоническом концерте, в каком бы состоянии слушатель ни пришел, выверенная веками стихия классической музыки захватывает целиком, иногда помимо воли. А после курехинских композиций остаются различные, далеко не равноценные по эмоциональному уровню впечатления. И вполне естественно желание выспросить автора, взвалить на него труд отыскания слов.

— Человек может говорить туго и неинтересно о самых гениальных вещах, — считает Курехин. — Он может быть отличным музыкантом, но толковать о своем искусстве настолько серо, что все только пошмуют плечами. А можно расписать событие, не заслуживающее ни малейшего внимания, в таких ярких красках, что все ахнут. Только зачем? Для меня все, что не имеет жизни, — не имеет смысла.

И для меня. И, уверен, для вас, уважаемый читатель. Только и в эти слова мы вкладываем чаще всего различные значения. Понять другого человека, особенно занимающегося «странным» на первый взгляд искусством, очень важно. Раз уж мы начали разговор, необходимо выснить тонкости интонации, эски настроений, попытаться приблизиться к пони-

реписывали. Создавали миф. Наконец обнародовали. И миф не выдержал — развалился.

Мы шутили, смеялись, но мысль о том, как трудно художнику оправдать миф о себе, была серьезна.

— Понимаете, — говорил Курехин с бархатной печалью в голосе, — не могу отыграть целое отделение за роялем и не сползти под него. Понимаете? — Он поднимает на меня серые глаза, полные мысли и боли. Я тороплюсь согласиться. Киваю, представляя, как это будет выглядеть у Рихтера, и мне делается худо. Курехин подмигивает, обрадовавшись моему тупому выражению лица, и продолжает развивать идеи своих концертов.

— Представляете, играю музыку. Все приятно и красиво. Все расслабилось — и вдруг достаю из-за пазухи «смит-вессон» или «кольт» — «та! та!». Бросаю на пол, отстреливаюсь. Ребятки из-за кулис в меня, я в них... Потом вновь за рояль, и музыка...

Вспомнил, как одна знакомая дама, заламывая руки и закатывая глаза, причитала: «Что он с собой делает! Он просто губит себя! Такой первоклассный музыкант — он мог достигнуть высот небывалых — ползает по сцене и отстреливается из игрушечного пистолетика. Это же уму непостижимо. Зачем? Почему?»

Видите, как получается: даже благожелательно настроенные люди не выдерживают такого смешения. Вас веселят, а вы раздражаетесь. Вас провоцируют, а вам кажется, что

нужно совершенства. Но одно дело, когда просто веселятся и шалят, другое — когда заявляют об ином подходе к искусству. Здесь требуются критерии не только для автора, но и для слушателей.

Но пока я этак нехитро про себя размышлял, Курехин переключился на другое:

— Я могу говорить в категориях апофатической теологии, если вам интересно, процитировать Дионисия Ареопагита, перейти на Максима Исповедника, кстати, можно вести беседу в любой культурной традиции, если вы хотите, особенно в философской, изъясняться в любой терминологии: семиотической, феноменологической, схоластической, апофатической, чисто богословской, а иногда срываться в другую: «прорыв вещи в себе, как своего трансцендентного я»... Обожаю смешивать.

Эти слова Курехин выпалил, ни разу не запнувшись. Молодец. С очаровательной улыбкой и легким снисхождением ко мне. Принимаю. Слишком много терминов, значения которых без словаря уже и не помню. Философских систем, в которых так и не удосужился разобраться.

Зачем же привожу все это здесь? Не вычеркиваю? Разве, кроме желания покрасоваться, угадывается еще что-то? Конечно. И существенное. Главный принцип, тезис, который движет Курехиным сегодня: неважно что — важно как.

Преднамеренно выбирается сложный путь — так сказать, с архитектурными излишествами. Потом, возможно, Курехин от них откажется. Но по-